

Традиционный этикет башкир в работе С. И. Руденко «Башкиры»

Розалия Рафкатовна Баязитова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-5731-2019. E-mail: rosali8@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Баязитова Р. Р., 2022

Аннотация. *Введение.* Выдающийся ученый Сергей Иванович Руденко (1885–1969) внес неоценимый вклад в становление и развитие башкирской этнографической, этнологической науки. *Целью* данной статьи является выявление этикетных установок, контекста этикета, представленных в известной монографии С. И. Руденко «Башкиры» (1955; 2006). *Результаты.* Традиционный этикет в названной фундаментальной работе отдельно не рассматривался, но некоторые этикетные ситуации, атрибуты этикета были описаны С. И. Руденко в рамках исследования материальной и духовной культуры, общественного и семейного быта башкир. Так, автором изложены взаимоотношения в семье между супругами, старшими / младшими мужскими / женскими родственниками супругов, описаны некоторые особенности обычая избегания, правила поведения за трапезой, некоторые атрибуты этикета (одежда, подарки) и т. п. Особую ценность представляют наблюдения С. И. Руденко, касающиеся веры башкир в бытование души, иного мира. *Выводы.* В плане исследования традиционного этикета башкир весьма ценны научные обобщения С. И. Руденко, касающиеся мифологических основ некоторых правил этикета, вопросов внутрисемейных взаимоотношений, этикета приема пищи и обмена дарами. Наследие известного ученого по сегодняшний день не потеряло своего значения, продолжает привлекать внимание исследователей как источник. **Ключевые слова:** С. И. Руденко, башкиры, традиционный этикет башкир, атрибуты этикета, обычай избегания

Для цитирования: Баязитова Р. Р. Традиционный этикет башкир в работе С. И. Руденко «Башкиры» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 3. С. 56–67. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-56-67

The Bashkirs by Sergey I. Rudenko: Traditional Etiquette Revisited

Rozaliia R. Baiazitova¹

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-5731-2019. E-mail: rosali8@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Baiazitova R. R., 2022

Abstract. *Introduction.* The outstanding scientist Sergei Ivanovich Rudenko (1885–1969) made an invaluable contribution to the formation and development of Bashkir ethnographic and ethnological science. The work of S. Rudenko based on personal observations, folklore samples, and studies of preceding researchers gives a general historical and ethnographic description of the Bashkir people. *Goals.* The article aims to identify etiquette settings, contexts of etiquette patterns presented in his monograph — *The Bashkirs* (1955; 2006). *Results.* The fundamental writing gives no special attention to traditional etiquette but some etiquette situations, attributes of etiquette are described in the context of the scholar’s research into material and spiritual culture, social and family life of the Bashkirs. Thus, the book outlines the relationship between husband and wife, older/younger male/female relatives of the latter, reviews the custom of avoidance, mealtime behaviors, some other attributes of etiquette (clothes, gifts), etc. S. Rudenko’s observations pertaining to Bashkir beliefs in the existence of soul and other world are of particular value. *Conclusions.* In terms of Bashkir traditional etiquette research, the scientific generalizations of S. Rudenko dealing with family, meal etiquette, and that of gift exchange are most essential. The scholar’s legacy remains as immense as it was before, and still serves as a needed source and standard for contemporary researchers. **Keywords:** S. Rudenko, Bashkirs, traditional Bashkir etiquette, attributes of etiquette, custom of avoidance

For citation: Bayazitova R. R. The Bashkirs by Sergey I. Rudenko: Traditional Etiquette Revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022; 3: 56–67. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2022-3-23-56-67

Введение

Выдающийся ученый Сергей Иванович Руденко (1885–1969) внес неоценимый вклад в становление и развитие башкирской этнографической, этнологической науки. Несмотря на весьма широкий круг научных изысканий, этническая история, культура и быт башкир занимали особое место в творчестве известного ученого. Роль и значение научной деятельности С. И. Руденко высоко оценивается в научных кругах, в дань уважения памяти ученого проводятся конференции, издаются сборники, биобиблиографические указатели [С. И. Руденко и башкиры 1998; Руденко Сергей Иванович 2015; и др.]. Значимость его научных трудов подтверждают переиздания книг, в том числе и монография «Башкиры» [Руденко 1955; Руденко 2006].

Интерес С. И. Руденко к башкирской теме, возможно, был обусловлен жизненными обстоятельствами. «Еще обучаясь в последних классах Пермской гимназии, он во время летних каникул вместе со своим отцом, который в те годы занимал должность члена комиссии по размежеванию башкирских земель, много времени проводил в поездках по разным уездам и волостям, имел прекрасную возможность напрямую и в подробностях ознакомиться с культурой и бытом местного населения, прежде всего башкирского», — отмечал А. М. Решетов [Решетов 1998: 5]. Прекрасное воспитание, живой ум, желание познания нового определили область научных интересов и направлений дальнейшей деятельности будущего ученого. «Задавшись целью написать этнологическую монографию о башкирах, я приступил к сбору материалов в 1905 году и закончил свои исследования в 1908 г.», — писал С. И. Руденко в предисловии к монографии «Башкиры» [Руденко 2006: 5]. Знаменательным является также и то, что одна из первых его работ «Предания и сказки башкир», изданная на французском языке в Париже [Rudenko 1908; Rudenko 1909], две монографии

[Руденко 1916; Руденко 1925] и последняя крупная работа [Руденко 1955] посвящены башкирам.

В данной статье рассмотрим вклад С. И. Руденко в изучение традиционного этикета башкир на основе анализа популярной монографии «Башкиры», изданной в 1955 г., переизданной с некоторыми дополнениями в 2006 г. [Руденко 1955; Руденко 2006]. В своем фундаментальном труде он, опираясь на личные наблюдения, фольклор и труды предшественников, дает обобщающее историко-этнографическое описание башкир. Важно отметить, что традиционный этикет башкир в названном труде автором отдельно не изучался. Но этикетные ситуации, атрибуты этикета в некоторой степени были переданы им в главах, посвященных исследованию общественных отношений, занятий и образа жизни, пищи, одежды и украшений, жилищ и построек, семейного быта и народных празднеств, пережитков религиозных доисламских представлений.

Материалы С. И. Руденко как источник для изучения традиционного этикета башкир

Взаимоотношения супругов

Как известно, этикетные ситуации наиболее ярко прослеживаются во внутрисемейных взаимоотношениях. «В семье различия ее членов в основном обусловлены биологическими признаками (пол, возраст), брачным состоянием (муж, жена), родственными и свойственными отношениями, и в соответствии с этим распределяются статусные роли. Поведение членов семей разных этнических общностей, конфессиональных и социальных групп существенно различается» [Баязитова 2007: 15].

Характер взаимоотношений в семье также был обусловлен трудовыми функциями супругов. Традиционно мужчина должен был обеспечивать семью, защищать ее интересы. На женщину возлагались домашние дела, воспитание детей. По данным С. И. Руденко, «вся домашняя работа лежала на башкирской женщине: она готовила пищу и ухаживала за детьми, доила коров и кобыл, заготавливала на зиму запасы провизии, шила одежду, обувь, ткала

холст и сукно, валяла войлок и проч. В страдную пору она жала хлеб, а местами и косила, молола муку на ручных жерновах, работала на огороде и т. п. Только во время менструаций (*күрем*) она устранилась от приготовления пищи, для чего мужем приглашалась какая-нибудь родственница. На обязанности мужчин лежало наблюдение за табунами, их пригон на кочевку, лесной промысел, охота и пчеловодство. Там, где занимались хлебопашеством, башкир сам пахал и боронил, жал же хлеб и молотил вместе с женой» [Руденко 2006: 225–226].

Подобное разделение трудовых обязанностей нашло отражение в застольном этикете. «Мужчины-охотники ели преимущественно мясную пищу, свою добычу, которая женщинам доставалась не всегда. Позднее пищевая сегрегация полов усиливается; она частично связывается с брачно-половыми отношениями», — писал С. А. Токарев [Токарев 1970: 6]. Так, у башкир распределение мяса возлагалось на мужчин. По данным полевых исследований, до сегодняшних дней сохранилось следующее предписание, что «хлеб должен разрезать мужчина, но будет лучше, если будет делить без ножа» [Баязитова 2007: 213]. Данное правило пожилые люди объясняют тем, что женская энергия, потраченная на эту работу, не восстанавливается.

Очень ценными для нас являются наблюдения ученого, затрагивающие вопросы взаимоотношения молодоженов. Так, С. И. Руденко описывает весьма любопытное действие, которое проводилось в первую брачную ночь. Рассказывая о первой встрече молодых, он отмечал, что муж приказывал супруге снять с него сапоги [Руденко 1955: 262], что исполнялось беспрекословно. Сходное поручение наблюдалось и у других народов. У чувашей первую ночь молодые проводили в клети или другом нежилом помещении. Согласно обычаю, молодая должна была разуть мужа [Этнография народов 2007: 206]. У татар также наблюдался обряд раздевания мужа, значение которого сводилось к демонстрации власти мужа над женой [Татары 1967: 240]. У русских в один сапог клали деньги, и, если жене «удавалось» снять тот, в котором находились деньги, она не только получала их за свой труд, но и впредь с это-

го дня не обязана была снимать с мужа сапоги [Лицын 1916: 15]. Возможно, данное действие констатировало уважительное отношение жены к мужу и в то же время подчеркивало ее подчиненное положение. Бытование подобного обычая З. З. Нафиков связывал с подчиненным положением женщин [Нафиков 1974: 16].

Безусловно, мы не отрицаем тезис о зависимом положении женщин в традиционном обществе. В то же время исследователями отмечалось, что башкирки пользовались относительно большей свободой. Приведем данные, зафиксированные С. И. Руденко: «Башкирские женщины пользовались относительно большей свободой, чем у многих других мусульманских народов. Восточная зауральская башкирка, за исключением свекра, почти ни от кого не закрывала своего лица. То же можно сказать и о горных башкирках, тогда как западные башкирки мало в этом отношении отличались от соседних татарок. Пожилые женщины и девочки лет до 11–12 совсем не закрывали лица» [Руденко 2006: 226]. Заметим, что у башкир пожилые женщины пользовались уважением и почетом, деление по возрастному принципу было первично по отношению к половому принципу разделения. Старшая по возрасту женщина могла участвовать в семейных советах, с ее мнением считался глава семьи.

Обычай избегания

С. И. Руденко не мог не обратить внимание на тонкости соблюдения обычая избегания. Согласно установленным этикетным предписаниям, замужним женщинам запрещалось ходить с непокрытой головой, показываться с обнаженными ногами, руками, а также следовало прикрываться при кормлении ребенка. Запрещалось вступать в разговор мужа с посторонними мужчинами. По наблюдениям С. И. Руденко, в кругу своей семьи женщина ела вместе со всеми чадами и домочадцами, а при постороннем мужчине, если только он не близкий родственник, она только подавала на стол [Руденко 1955: 268]. В работе Льва фон Бергхольца, изучавшего восточных башкир-китайцев, также была подмечена эта особенность: «На женщину мужчины смотрят, как на вещь, как на рабыню; она не смеет вступать в разговор мужа с кем-либо из по-

сторонних» [Бергхольц 1893: 80]. Традиционно при появлении в доме постороннего человека башкиры приглашали его за трапезу, считая, что это Божий гость. Если гость был мужского пола, то молодые женщины удалялись, а старшей женщины эти условности не касались.

Как известно, по обычаю экзогамии невестка рассматривалась в семье мужа чужеродкой. Жених для родителей и родственников невестки также был «чужим». К тому же у башкир жена до полной уплаты калыма оставалась в доме родителей. Молодой муж тайком и гласно посещал жену, соблюдая определенные правила. По данным С. И. Руденко, после *ижсап-кабул* ‘малой свадьбы’ жених уже имел право посещать молодую на правах мужа в доме ее отца. Это посещение начиналось им после уплаты половины калыма и вручения теще *инэ-туны* ‘лисий шубы’ или после обмена подарками родителей брачующихся. Но в то же время в собственном доме тесть не принимал молодого, так как последний в течение года, а иногда и более, до окончательной выплаты калыма не должен был показываться на глаза ни тестю, ни теще [Руденко 1955: 260, 262]. Что касается сроков соблюдения данного запрета, то, согласно полевым материалам и свидетельствам ученых, мы можем предположить, что он продолжался до полной выплаты калыма и переезда молодой в дом мужа. Приведенная этикетная установка также является одним из элементов важного блока поведенческой культуры — обычая избегания.

Положение вдовы и термины родства у башкир

У башкир существовали определенные правила поведения для вдов и вдовцов. С учетом того, что вся ответственность по содержанию семьи ложилась на мужчин, вдов старались как можно скорее выдать замуж, но здесь была и иная, моральная, сторона. Согласно левирату, на сноху-вдову могли претендовать младший брат, племянник, сын брата покойного мужа. Вдова могла отказаться от этого брака, но башкирки предпочитали не отдаляться от родственников мужа, особенно если были дети. «При желании она оставалась жить в семье, воспитывая своих детей и не выходя замуж. Бывали даже случаи, что младший брат покойного при всту-

плении в брак с вдовой уплачивал ей калым, хотя и не полный» — отмечал С. И. Руденко [Руденко 2006: 225].

Фольклорист Р. А. Султангареева приводит интересный обряд, описанный С. И. Руденко: женщина в знак траура срезала косы и клала их в могилу мужу, то же самое делала и с ногтями, после этого она не могла принадлежать другому мужчине [Султангареева 1998: 156]. Данные материалы, касающиеся статуса вдовы, действий с волосами, обнаруживают параллели в традиционной культуре других народов. А. К. Байбурун и А. Л. Топорков отмечают, «что переход девушки во власть мужа знаменуется тем, что жених овладевает косой невесты. Например, в водской свадьбе жених отрезал косу невесты, а ее мать, передавая ему эту косу, говорила: «„Возьми косу вместе с головой, Будь ее господином, а она будет твоей рабой“» [Байбурун, Топорков 1990: 88]. «Передача косы есть символ передачи власти над человеком. Обычай срезания волос существовал и у русских», — писала Н. Гаген-Торн [Гаген-Торн 1960: 150].

Ценными для нас являются сведения С. И. Руденко, касающиеся атрибутов этикета [Руденко 2006: 235], также терминов родства у башкир [Руденко 2006: 223, 224], которые играли важную роль в речевом этикете и упорядочивании отношений между участниками общения. Благодаря использованию терминов родства устанавливались половозрастные взаимоотношения в семье и обществе. «При обзоре башкирских названий родства прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что отдельные члены семьи различаются между собой не столько по степени кровной близости к данному лицу, сколько в возрастном отношении. За исключением отца и матери, все родственники разделялись по отношению к данному лицу на старших и младших», — писал С. И. Руденко [Руденко 2006: 223]. Он же отмечал, что «желая определить свое отношение к сородичам, каждый член семьи всех старших себя по возрасту мужчин называл старшими братьями, а старших женщин — старшими сестрами, меньших по возрасту — меньшими братьями и меньшими сестрами» [Руденко 2006: 224]. Возрастной статус устанавливался путем соотношения с собственным

возрастом и возрастом родителей. Ко всем старшим обращались с помощью терминов родства. В основном учитывался фактический возраст. В спорных случаях среди сверстников учитывалось поколение: *Уның дәрәжәһе оло!* ‘У него статус выше!’.

Подчеркивая значение терминов родства и личных имен в процессе коммуникации, Н. В. Бикбулатов писал: «Но поскольку одни и те же термины относятся к целой группе лиц, для обращения к определенному, конкретному лицу к термину прибавляется имя этого человека. Но при обращении к определенному кругу лиц термины родства употребляются без соединения с личным именем. К родному отцу и матери, к деду и бабушке башкиры обращаются не по имени, а соответствующими терминами. То же самое наблюдаем при непосредственном обращении к одному из старших братьев, старшей сестре, старшему брату отца или матери. Обычно это самый старший из братьев, самая старшая из сестер или когда только один старший брат и одна старшая сестра. Когда старших братьев и сестер несколько, при обращении к остальным к терминам прибавляют детерминативы „средний“, „младший“ или имена» [Бикбулатов 1981: 91]. Термины родства или свойства не только обозначали родственника или свойственника, но и отражали вариативный характер поведения, так как один и тот же человек может быть одновременно сыном, мужем, дядей, племянником и т. д. В зависимости от этикетной ситуации ему приходится исполнять различные роли.

Понятие «душа» и культ предков в представлениях башкир

Интересны материалы автора, касающиеся вопросов бессмертия души, культа предков. Так, согласно С. И. Руденко, кладбища у башкир считались священным местом: «Башкиры вступали на них не иначе, как сняв галоши. Особенно почитали башкиры старые могилы, где, по преданиям, были погребены святые (*әүлейә*). Нередко такими могилами являлись древние курганы, поросшие лесом. Башкиры-гайнинцы рассказывали мне, что, когда азанчей начинал призывать молящихся на молитву, они слышали, как такой же призыв несся и с древней могилы. Проходя мимо этих могил, башкиры вели себя скромно и читали про себя молитву.

Деревья, растущие у таких могил, считались неприкосновенными, и нередко можно было услышать, какие кары обрушивались на отважившихся рубить там деревья или проявивших свое неуважение к могиле: одного разбил паралич, другой потерял рассудок, у третьего вымер весь род и т. п.» [Руденко 2006: 230]. Редкие материалы, касающиеся веры в существование души и символики нити, зафиксированы С. И. Руденко в следующем отрывке: «Башкиры верили, что душа человека, умершего неестественной смертью, выйдя из тела, находилась первое время возле покойного. Поэтому, если утонувшего удалось быстро вынуть из воды и откачать, так чтоб вода вылилась (ибо из-за воды душа и покидала тело), душа возвращалась в тело, и человек оживал. Чтобы душа нашла дорогу обратно в тело, утопленника клали у воды, и изо рта его до воды протягивали шелковую нитку. С этой целью башкиры-сплавщики барок и плотов (по р. Белой, Юрюзани, Инзеру и др.) всегда возили с собой „на случай“ шелковые нитки» [Руденко 2006: 272]. Заметим, что символика нити до сегодняшних дней применяется в повседневной жизни и обрядовой практике.

Некоторые особенности застольного этикета

Для реконструкции отдельных моментов застольного этикета башкир мы также обращаемся к записям ученого. По материалам автора мы можем проследить, что трапезы собирали по разным поводам: рождение, свадьба, похороны, календарные праздники, религиозные и общественные мероприятия. Так, подробно описано угощение гостей традиционным мясным кушаньем бишбармак: «Хозяин или взрослый его сын обходил с кувшином (*комган*), а в избе и с тазом всех присутствующих; они мыли руки и садились вокруг скатерти, на которой в больших деревянных чашках (*ашлау*) был подан *бишбармак*. В каждой чашке с *бишбармак*, если их было несколько, помимо кусочков баранины, жира и лапши, лежало несколько больших кусков мяса, а иногда и колбасы. Один из гостей, вооружившись ножом, крошил мясо на куски, а другой эти куски мяса и колбасы раздавал присутствующим. Во время еды пирующие в знак внимания лучшие, жирные куски клали в рот своим соседям или тем, кого желали почтить. Время от времени

к кругу подзывался кто-либо из зрителей или детей, желающий угостить произносил *хогон* (буквально — „ешь“, „глотай“), тот открывал рот, куда ему вкладывалась горсть или целая пригоршня мяса» [Руденко 2006: 119]. Угощение *хогон*, *хогондороу* по сегодняшний день сохранилось у башкир.

Выводы

Мы рассмотрели некоторые аспекты традиционного этикета башкир, зафиксированные в монографии С. И. Руденко «Башкиры». В плане наших изысканий весьма ценны его полевые материалы, научные обобщения, затрагивающие вопросы общественного и семейного этикета, этикета приема пищи и обмена дарами. Ценность труда С. И. Руденко также заключается в том, что данные его исследований позволяют нам определить трансформацию этикетных установок в современной башкирской культуре. Наследие известного ученого по сегодняшний день не потеряло своего научного значения, продолжает привлекать внимание многих исследователей как источник, образец и пример служения любимому делу и народу.

Литература

- Байбурин, Топорков 1990 — *Байбурин А. К., Топорков А. Л.* У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 166 с.
- Баязитова 2007 — *Баязитова Р. Р.* Традиционный семейный этикет башкир. Уфа: БГПУ, 2007. 176 с.
- Бергхольц 1893 — *Бергхольц Л.* Горные башкиры-кайтаи // Этнографическое обозрение. 1893. № 3. С. 74–84.
- Бикбулатов 1981 — *Бикбулатов Н. В.* Башкирская система родства. М.: Наука, 1981. 124 с.
- Гаген-Торн 1960 — *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары: Чувашск. гос. изд-во, 1960. 234 с.
- Лицын 1916 — *Лицын П.* К вопросу о домашнем быте русского народа в XVI веке (по известиям иностранцев). Харьков: Печатное Дело, 1916. 23 с.
- Нафиков 1974 — *Нафиков З. З.* Социалистическая семья. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1974. 144 с.

- Решетов 1998 — *Решетов А. М. С. И. Руденко* — антрополог, этнограф, археолог // С. И. Руденко и башкиры. Уфа: Гилем, 1998. С. 5–25.
- Руденко 1916 — *Руденко С. И.* Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 1. Физический тип башкир. Пг.: Якорь, 1916. 312 с.
- Руденко 1925 — *Руденко С. И.* Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир. Л.: Якорь, 1925. 330 с.
- Руденко 1955 — *Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: АН СССР, 1955. 394 с.
- Руденко 2006 — *Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Руденко Сергей Иванович 2015 — Руденко Сергей Иванович: Биобиблиографический указатель. К 130-летию со дня рождения / сост. Ю. А. Абсалямова, М. М. Маннапов, З. И. Минибаева, И. А. Шакиров; под общ. ред. А. В. Псянчина. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 100 с.
- С. И. Руденко и башкиры 1998 — С. И. Руденко и башкиры / отв. ред. Р. М. Юсупов, М. В. Мурзабулатов. Уфа: Гилем, 1998. 190 с.
- Султангареева 1998 — *Султангареева Р. А.* Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа: Гилем, 1998. 243 с.
- Татары 1967 — Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. 538 с.
- Токарев 1970 — *Токарев С. А.* К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3–17.
- Этнография народов 2007 — Этнография народов Волго-Уралья / Г. Р. Столярова, Т. А. Титова, Л. С. Токсубаева. Казань: Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 340 с.
- Rudenko 1908 — *Rudenko S. I.* Traditions et contes bachkirs // Revue de Traditions populaires. 1908. Vol. 23. № 2–3. Pp. 49–63.
- Rudenko 1909 — *Rudenko S. I.* Traditions et contes bachkirs // Revue de Traditions populaires. 1909. Vol. 24. № 4–5. Pp. 129–136.